

Сербские устные рассказы — модель AaTh 505–508

Даниела Попович Николич

(Университет в Нише: Сербия, 18000, г. Ниш, ул. Кирилла и Мефодия, д. 2)

Аннотация. Рассказ о благодарном мертвце (AaTh 505–508) широко распространен в прозаическом фольклорном фонде многих народов мира. В его основе находится повествование о человеке, хоронящем мертвеца, который потом становится помощником и спутником, помогающим герою рассказа в женитьбе и приобретении богатства. В многочисленных исследованиях выделяются, среди прочего, разные варианты этого рассказа, определяются типы, модификации типов и их сложные взаимосвязи, регистрируются мотивы и сюжеты в письменных текстах, анализируются их сходства и отличия в рамках поэтических систем, к которым они относятся. В настоящей работе автор уделяет внимание тем вариантам этого рассказа, которые существуют в сербском прозаическом фонде, их тематическо-мотивной структуре, основным характеристикам главных персонажей в повествовательных ситуациях и событиях, а также сравнению с литературными источниками и элементам взаимопроникновения устных текстов разных жанров: сказки, легендарного рассказа и предания. Сербские устные рассказы о благодарном мертвце записывались с первой половины XIX в., имеются и записи более позднего времени — второй половины XX в. Зафиксированные в самых ранних перечнях вариантов, эти рассказы свидетельствуют о наличии определенных международных моделей, а также о примерах их модификации в разных масштабах, в зависимости от территории и рамок традиции.

Ключевые слова: сербский устный рассказ, благодарный мертвец, сказка, легендарный рассказ, предание.

Дата поступления статьи: 12 марта 2021 г.

Дата публикации: 25 сентября 2021 г.

Для цитирования: Попович Николич Д. Сербские устные рассказы — модель AaTh 505–508 // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 3. С. 86–93.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.3.007>

ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ВАРИАНТЫ, РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ

Рассказ о благодарном мертвце, зафиксированный в многочисленных вариантах в культуре многих народов мира, в разных сочетаниях типов и мотивов, был предметом немало числа исследований, в которых рассматривалось достаточно много вопросов: происхождение и возникновение формы, типов и мотивов, связь с другими литературными текстами, преобразование и адаптация и т. д.

(см. библиографию: [Bolte, Polivka 1918, 434; Röhrich 1981, 319–322]). Значительная часть работы была выполнена исследователями уже в процессе составления перечня вариантов устных и письменных источников [Groome 1899, 3–4; Hall Gerould 1908, 7–22; Bolte, Polivka 1918], что позволило определить их численность и распространенность. Исследователи занимались и изучением вопроса происхождения и находили, что оно относится к восточным и европейским территориям [Röhrich 1981, 319; Hall Gerould 1908,

169], а Х. Гункел рассматривал Персию в качестве территории происхождения [Радулович 2009, 231]. Нередко в исследовании ставилась проблема функционирования отдельного рассказа с мотивом благодарного мертвеца: существовал ли этот текст как самостоятельный или основной мотив включался в разные тематико-мотивные сочетания устных повествовательных жанров (в этом отношении Пропп спорил с Лильебладом: [Лильеблад 2013, 183; Hall Gerould 1908, 16]). Раскрывается значение в формировании данного мотива народных представлений об обязанности проведения похоронного ритуала, о магических способностях мертвеца, а также о значении добродетели, оказанной умершему. В исследованиях, основанных на интертекстуальном подходе, преобладает вопрос о связи такого типа рассказов со сном Симонида из текста Цицерона *De Divinatione*¹ и религиозным текстом Книги Товита² [Röhrich 1981, 312–319; Hall Gerould 1909, 26–29]³. Внимание также уделяется и тому, насколько он мог повлиять на другие тексты, например, в подходе Андерсена о преобразовании фольклорного фонда [Zipes 2006, 91–95].

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОРПУС И ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕДАКТОРСКОГО ПОДХОДА

Исследование сербских рассказов основано на корпусе материалов, опубликованных с первой половины XIX по вторую половину XX в.⁴ Он состоит из следующих записей: *Причудливая церковь, или Добродетель сопровождается всяческой наградой* [Николич 1843], *Добрые дела не пропадают*

[Караджич 1988а], *Гора русалок* [Караджич 1988б], *Золотая рыбка* [Новакович 1995], *Влатко и мертвые* [Койанов 2017], *Бедняжка и его сын* [Кашикович 1886], *Айдукович* [Иванчевич 1886], *Верный побратим* [Чайканович 1927, 167–171], *Добро возвращается добром* [Кашикович 1896], *Кто добро делает, не раскаивается* [Чайканович 1927, 162–167], *От купца до царя* [Миросавич 1911], *Сын царя и девушка Мире* [Чайканович 1927, 175–176], *Добрые дела не пропадают* [Живанович 1995], *Мертвец награждает добродетель* [Джорджевич 1933а], *Молодой человек и его побратим упырь* [Джорджевич 1933б], *Три «ж'лтицы»* [Белич 1905], *Женщина стала мужчиной* [Станоевич 1911], *Делай добро, не раскаивайся* [Прибакович 1908], *Благодарность покойника* [Тройанович 1909], *Добро и в могиле не позабывает* [Шаулич 1925], *Добрый бедняжка* [Ухлик 1939], *Выкупленный мертвый человек* [Джорджевич 1988а], *Купец выкупил задолжавшего мертвеца* [Джорджевич 1988б].

ТИПЫ РАССКАЗОВ И ИХ МОДИФИКАЦИИ

Исследование сербского корпуса в соответствии с параметрами, предусмотренными индексом AaTh, демонстрирует преобладание модели 507 С (СУС 507 = АА, 507А, В, С). Реже представлены рассказы, соответствующие типу 506 и вариациям внутри его рамок — чаще всего появляется вариант 506А⁵.

Некоторые рассказы, которые в основном относятся к типу 507, сходны с сюжетами AaTh 910А и AaTh 910Н. В корпусе отмечаются и примеры включения рассказов о посещении мира мертвых (AaTh

¹ Рассказ о Симониде находится в 27-й главе текста Цицерона «О возвышенном» [Цицерон 2006, 63]. О предположительных источниках и других более древних письменных источниках, в которых появляется этот мотив, см.: [Wardle 2006, 249–250].

² Книга Товита (далее — КТ) относится к текстам, которые определяются как девтероканонические книги Ветхого Завета.

³ Сравнение данного корпуса с КТ и сном Симонида показывает, что существует намного более сходств с КТ: похороны мертвеца, путешествие со спутником, оказание помощи при жемчужине героя, девушка, все мужья которой наутро оказывались мертвыми, преодоление демона, свадьба, разделение даров, раскрытие помощника и его исчезновение. Текст Цицерона схож с мотивом похорон и благодарности мертвеца, а также опосредованно и модифицированно — с мотивом плавания в рассказах, которые посвящены теме выкупа рабов и плавания по морю.

⁴ О распространении и динамике этого типа рассказов свидетельствуют записи на территории других южнославянских народов, см. перечни вариантов: [Милошевич-Джорджевич 1988, 510; Самарджия 1995, 214, 218].

⁵ Сказочная основа в некоторых примерах дополняется материалом, сформированным в соответствии с законами новеллы, былички и легендарного рассказа.

470, Th E481, F 171.1, F 171.3, D2011; C1166, Симонсуури 1991; AaTh 1012).

Вариации и трансформации наблюдаются и в рассказах, относящихся к типу AaTh 506. В некоторых рассказах о девушке, освобожденной из плена, наблюдаются сцены продажи соли (AaTh 1651A) как без мотива обещанного ребенка, так и в сочетании с ним (Th S240). Существуют также примеры сочетания с мотивом женитьбы на сестре дьявола и мотивом ночей Товии.

МОТИВЫ

Согласно указателю сюжетов Аарне — Томпсона [1961, 172–173], общими мотивами для типов «Благодарный мертвец» (505–508) можно считать следующие: отказ в похоронах из-за неоплаченных долгов (Q 271.1), герой расплачивается за мертвого и таким образом позволяет похоронам состояться (E341.1), благодарный мертвец появляется в качестве спутника и договаривается с героем разделить всё заработанное пополам (M 241), мертвец помогает герою заполучить принцессу в качестве жены (T 66.1).

Способ реализации мотива отказа в праве похорон из-за неоплаченных долгов в сербских вариантах подразумевает вскрытие могилы и удары по костям, удары по могиле и опорожнение, стучание черепа покойника о камень, удары по мертвецу, высушивание умершего в дымоходе, повешение, рубку и резку умершего, отказ в похоронах умершего, возможно рубку и изготовление мыла. Действующие лица, которые так относятся к умершему, объясняют свои поступки тем, что это единственный способ возместить расходы, так как мертвец не вернул долги. Их поступки создают препятствия для умершего, мешающие ему мирным путем уйти в потусторонний мир. Чаще всего имена персонажей не указаны, но отмечаются номинации представителей других народов, которые традиционно воспринимаются как отрицательные, например, «жид». В данном контексте также отмечается и введение персонажей, которые обозначаются каким-либо физическим недостатком — «наверно восточного происхождения, что обозначает принадлежность

к более низким общественным слоям» [Радулович 2009, 182], такие, как лысый и безбородый Чело и Чосо. Наблюдается и действие общества «в соответствии с законом» и выступление группы людей в качестве доверителей. Наряду с этим мотив благодарного мертвеца сохраняет следы связи с мотивом благородных животных: ими становятся птицы и рыбы. В рассказах проявляется тенденция сказки обеспечить героя помощником — это разнообразно сформированные персонажи [Самарджия 2011, 132], а также возможность придать действующим лицам на разных этапах исторического развития общие основы в образе предка [Пропп 2013, 188–191].

Мотив разделения добычи в рассказах подразумевает устный договор двух спутников об общем труде и разделении ценностей. В типах рассказов с освобождением принцессы из плена разделение ценностей является условием оказания помощи герою и подразумевает принципиальное согласие героя отдать что-либо свое помощнику. Принцип честного разделения лежит в основе финальных частей нескольких записей: спутники действительно разделяют между собой деньги/лошадей/другие ценности, происходят притворные попытки разделения невесты в целях ее излечения, т.е. освобождения от демонической природы в форме останков тела змеи. В некоторых вариантах мертвец уступает герою всё заработанное и отказывается от своей части с объяснением, что во всем приобретенном мертвый не нуждается. Эти части сюжета могут рассматриваться и с точки зрения соотношения с некоторыми элементами похоронного ритуала. В обряде разделение подразумевает, кроме упомянутого разделения миров, еще и разделение еды и пищи.

Отражения таких представлений можно искать и в мотиве разделения яблок, прежде всего по той причине, что яблоня считалась растением, связанным с миром мертвых, как форма пожертвования умершим [Чайканович 1994б, 93–94; Агапкина 2012, 613]. В некоторых вариантах герой приобретает спутника путем проверки его верности, требуя от него разделить яблоко пополам⁶. «Излюбленное» в сказках

⁶ Это условие появляется и в форме выбора человека, который не ест и не пьет, что можно сравнить с комментарием Рафаила из КТ: «во все дни я к вам являлся, и не ел, и не пил, а вы на зрелище смотрели» [КТ, 594].

[Liti 1994, 31] яблоко не обладает статусом магического предмета, и с его помощью (в противоположность ситуации проверки героя дарителем и помощником) проверяется действующее лицо в функции помощника. Именно честное разделение яблока является подтверждением способности неизвестного сотрудничать с героем и быть его спутником. Мотивы проверки яблоком и проверки верности героя в некоторых рассказах можно рассматривать как мотивы, непосредственно связанные на уровне действий и характеристики героев: в начале и в конце совместного пути благодарного мертвеца и героя наблюдается место проверки верности обоих действующих лиц. В первую очередь герой проверяет мертвого после его возвращения в мир живых; затем мертвец проверяет героя сразу после возвращения мертвеца в мир живых. В отличие от первой ситуации, где в качестве предмета, на основе которого осуществляется проверка, выступает тот самый, который в обрядовом контексте предназначен мертвому (яблоко), в другой ситуации осуществляется разделение того, что было предназначено герою (сокровище и невеста). Эта принадлежность еще более подчеркнута проявляется в достаточно частых отказах благодарного мертвеца от даров в целом, а не только от невесты, так как ее деление (притворное) всегда находится в функции ее полного исцеления и освобождения от демонических сил.

В процесс формирования отношений между героем и благодарным мертвецом иногда вводится и образование духовной связи⁷ (побратимства). Духовная связь мертвеца и героя сказки может рассматриваться в качестве одной из характеристик жанра, в рамках которой семейный контекст является важной категорией, независимо от того, идет ли речь о сказках, в которых налицо тенденция к образованию новых семейных отношений, помимо существующих, либо о сказках без свадьбы, где «всё происходит в первичной семье» [Радулович 2008, 233]. Существование

такого мотива можно рассматривать и с точки зрения представления о роли семьи в обрядовых погребальных действиях, основанные на «понимании того, что в родном культе могут участвовать лишь самые близкие кровные сородичи» [Чайканович 1994а, 114]⁸. Выкупленного мертвеца в сказках связывают духовным родством, он становится побратимом главному герою, и, что более значимо, он, как мертвый сородич, помогает герою вступить в брак. Оглядываясь на теорию Хайно Герца о близости моделей рассказов о благодарном мертвецке рассказам о двух братьях, Н. Радулович упоминает мотив побратимства в вариантах, которые могли бы соответствовать упомянутым предположениям [Радулович 2008, 98].

ПЕРСОНАЖИ: ГЕРОЙ И БЛАГОДАРНЫЙ МЕРТВЕЦ

Главный герой в нескольких примерах определяется как купец или купеческий сын. Менее частотны другие профессии, но есть примеры, в которых герой определяется более обобщенно, с акцентом на его материальное положение — как бедный. Преимущественно речь идет о единственном ребенке, но в соответствии с тенденцией сказочного стиля настаивать на обособленности [Liti 1994, 42], герой выступает и как младший из троих сыновей.

Одним из основных действий героя, равно как и в модифицированных вариантах, считается оплата долгов умершего и его похороны (в моделях AaTh 506 к этому добавляются выкуп рабов и спасение принцессы). В соответствии с поэтикой жанра характеристика действующего лица в основном не подразумевает глубокой перспективы и передачи чувств [Liti 1994, 20]. Более часто наблюдается только действие: герой оплачивает и хоронит. Такая деятельность может быть определена как милосердие само по себе, H7 [Пропп 1982, 50]. Благодаря ей появляется мертвец, который затем становится спутником героя, слугой, помощником, — функция Z6/9

⁷ Когда речь идет о функционировании мотива младшего брата в русском фольклоре, Мелетинский указывает на явление образования близкой связи с потусторонними силами и иллюстрирует это именно сказками о благодарном мертвецке [Мелетинский 2005, 119].

⁸ Указывая на отличия КТ от сказки, Röhrich в религиозном тексте выделяет именно эту особенность — действующие лица хоронят своих, близких себе: “So ist alles in ein Volks un Familiengefüge eingebunden“ [Röhrich 1981, 312].

[Пропп 1982, 53]. Здесь идет речь о милосердии, которое является характеристикой сказки как жанра и явно связано с «отношением к будущему дарителю» [Радулович 2009, 84], но следует учитывать и то, что милосердие по отношению к не похороненному человеку основано и на представлениях об обязательности погребения и выполнения защитных действий, обеспечивающих безопасный переход души в царство мертвых.

Благодарный мертвец определяется обобщенно — как некий/один человек, с намеком на его потустороннюю природу («старик») или отчетливым определением («мертвый цыган»: [Джорджевич 1933а]). Такой прием реализуется и в речи действующего лица: «Я тот мертвец, для которого ты платил» [Джорджевич 1988б]. Потусторонняя агрибуция осуществляется и непрямым способом — с помощью актуализации опасных мест и/или указания на внешний облик действующего лица.

На уровне таких сюжетных элементов, как пространство и время, также наблюдается наличие обозначений, подчеркивающих принадлежность героя другому миру. Первое его упоминание преимущественно связано с могилой и кладбищем в качестве его пространства (в конце и в начале рассказа)⁹, но существуют и другие локусы: церковь, город, рынок. Появление его души в антропоморфной или териоморфной форме при его повторной встрече с героем происходит в основном в местах, обозначенных как дикие, находящиеся в оппозиции по отношению к человеческим: могила, по пути, на перекрестке, через горы и воды, в море. Конечно, демонический хронотоп в основном отсутствует в примерах, где герой освобождает рабов [Караджич 1988а, 233], однако и там есть указание на море.

Мертвецу приписывают обладание тайными знаниями, способность видеть будущее: распознавание демонической природы невесты, возможность уничтожения противника и «исцеления» невесты, требование от героя обещать то, чего на тот момент у него нет, и т.д. Его

появление после благодетельных поступков героя происходит через достаточно растянутый интервал времени. Однако в некоторых рассказах благодарный мертвец / благодарное животное мгновенно исчезает, что очень напоминает исчезновение демонического существа в быличках [Попович 2016, 36]. Такой хронотоп помещается Бахтиным в рамки авантюрного времени¹⁰, характеризующегося прекращением жизненного течения событий и включением нечеловеческих сил.

Несмотря на то что в сербских сказках постоянно выделяется роль благодарного мертвеца как жертвы, спутника, советчика и помощника, с помощью которого герой получает сокровище и жену, есть примеры, в которых деятельность этого персонажа направлена на освобождение девушки от демона, определяется как лечение. Рафаилу, Божьему посланнику и врачу из текста КТ, в сказках соответствует активный благодарный мертвец, лечащий девушку, чаще всего таким образом, что при возникновении у нее страха смерти он изгоняет из нее остатки демонической ипостаси.

ВЫВОДЫ

Исследованные рассказы сохраняют повествовательные элементы, связывающие их с международным фондом, но свидетельствуют об их принадлежности национальному устному фонду. В них наблюдается преобладание повествовательной модели *The Serpent Maiden*, реже встречается модель *The Rescued Princess*, полностью отсутствует модель AaTh 508, а также налицо различные модификации основных мотивов и связи с другими повествовательными моделями. В соответствии с основной природой устного текста имеются и примеры взаимопроникновения сказки с другими прозаическими жанрами, а также ее связи с традиционными представлениями о мертвеце и его магических способностях.

Перевод с сербского Н. Благоевич

⁹ Появление такой местности, связь действующих лиц с пространством могилы определяется одним из основных предположений индоевропейских народов о потустороннем пребывании души: “The soul maintained a strong link with the burial place” [Hansen, Malory 1997, 151].

¹⁰ В отличие от примеров, о которых пишет Бахтин [1975, 242], в интервале времени между появлением и исчезновением потусторонней силы в жизни главного героя сюжетной модели о благодарном мертвеце происходят существенные изменения (свадьба, рождение ребенка).

Источники и материалы

Белич 1905 — *Белић А.* Дијалекти источне и јужне Србије // Српски дијалектолошки зборник, 1. Београд, 1905. С. 665–668.

Джорджевич 1933а — *Ђорђевић Т. Р.* Циганске народне приповетке. Београд: Издање књижарнице Радомира Д. Ђуковића, 1933. С. 8–9.

Джорджевич 1933б — *Ђорђевић Т. Р.* Циганске народне приповетке. Београд: Издање књижарнице Радомира Д. Ђуковића, 1933. С. 9–11.

Джорджевич 1988а — *Ђорђевић Д. М.* Српске народне приповетке из лесковачке области. Београд: Српска академија наука, 1988. С. 156–159.

Джорджевич 1988б — *Ђорђевић Д. М.* Српске народне приповетке из лесковачке области. Београд: Српска академија наука, 1988. С. 159–163.

Живанович 1995 — *Самарџија С.* Народне приповетке у Летопису Матице српске. Нови Сад; Београд: Матица српска, Институт за књижевност и уметност, 1995. С. 129–139.

Иванчевич 1886 — *Иванчевић П. С.* // Босанска вила. 1886. Бр. 16. С. 252–253.

Караџић 1988а — *Караџић В.* Српске народне приповијетке. Београд: Просвета, 1988. С. 232–237.

Караџић 1988б — *Караџић В.* Српске народне приповијетке. Београд: Просвета, 1988. С. 215–216.

Кашикович 1886 — *Кашиковић Н. Т.* Сиromашак и његов син // Босанска вила. 1886. Бр. 14, 15. С. 221–223, 236–237.

Кашикович 1896 — *Кашиковић Н. Т.* Добро се добрим враћа // Босанска вила. 1896. Бр. 13. С. 210–212.

Коянов 2017 — *Самарџија С.* Народне приповетке и предања / Приредила Снежана Самарџија. Нови Сад: Издавачки центар Матице српске, 2017. С. 101–104.

КТ — Книга Товита // Свето писмо Старога и Новога Завјета: Библија, књиге ширег канона (деутероканонске превели и приредили А. Радовић, А. Јевтић). Београд: Свети Архијерејски синод СПЦ, 2012.

Мирсович 1911 — *Мирсовић М.* Од трговца до цара // Кића. 1911. Бр. 36, 37. Без пагинациј.

Николич 1843 — *Николић А.* Народне српске приповедке, 2. Београд: Књажеско српска књигопечатња, 1843. С. 15–42.

Новакович 1995 — *Самарџија С.* Народне приповетке у Летопису Матице српске. Нови Сад; Београд: Матица српска, Институт за књижевност и уметност, 1995. С. 94–96.

Прибакович 1908 — Чини добро, не кај се // Босанска вила. 1908. Бр. 15, 16, 17. С. 239–241, 253–254, 269–271.

Симонсуури 1991 — Указатељ типов и мотивов финских мифологических расказа. [Tyypen und motivverzeichnis der finnischen

mytishen sagen, von Lauri Simonsuuri, Helsinki, 1961] / Пер. Н. Т. Прушинско. Петрозаводск: Карелия, 1991.

Станоевич 1911 — *Станојевић М.* Севернотимочки дијалекат. Српски дијалектолошки зборник, II. Београд: Српска краљевска академија, 1911. С. 360–463 (435–438).

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский и др. Л.: Наука, 1979.

Троянович 1909 — *Тројановић С.* Захвалност покојникова // Босанска вила. 1908. Бр. 7. С. 108–110.

Ухлик 1939 — *Uhlik R.* Serbo-Bosnian Gypsy Folk Tales. Collected by prof. Rade Uhlik // Journal of Gypsy Lore Society. 1839. № 18. С. 112–118.

Чайканович 1927 — *Чайкановић В.* Српске народне приповетке: Српски етнографски зборник, 41. Београд; Земун: Српска краљевска академија, 1927.

Чайканович 1994а — *Чайкановић В.* Студије из српске религије и фолклора. 2. Београд: СКЗ; БИГЗ; Просвета; Партедон М. А. М., 1994.

Чайканович 1994б — *Чайкановић В.* Речник српских народних веровања о биљкама. Београд: СКЗ; БИГЗ; Просвета; Партедон М. А. М., 1994.

Шаулич 1925 — *Шаулић Н.* Српске народне приче из збирке народних приповиједака. Књ. 1, св. 2. Београд: Издавачка књижарница Геце Кона, 1925. С. 146–150.

Цицерон 2000 — Cicero on Divination: De Divinatione / Translated D. Wardle. New York: Oxford University Press, 2006.

AaTh — *Aarne A., Thompson S.* The Types of the Folktale: A Classification and Bibliography. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia Akademia scientiarum Fennica, 1961.

Bolte, Polivka 1918 — *Bolte J., Polivka G.* Der dankbare Tote und aus der Schlaverei erlöste Königstochter. Anmerkungen zu den Kinder — U. Hausmärchen der bruder Grimm. Drieter band. Leipzig: Dieterich'sche verlagsbuchhandlung M. V. H., 1918. P. 490–517.

Groome 1899 — *Groome F. H.* Gypsy Folk Tales. London, 1899. URL: https://archive.org/stream/gypsyfolktales00groogoog/gypsyfolktales00groogoog_djvu.txt (дата обращения: 02.01.2020).

Hall Gerould 1909 — *Hall Gerould G.* The Grateful Dead. The History of a Folk Story. London: Folk-Lore Society, 1908. URL: <http://www.gutenberg.org/files/39408/39408-h/39408-h.htm> (дата обращения: 05.01.2020).

Исследования

Агапкина 2012 — *Агапкина Т. А.* Яблоня // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 5: С (Сказка) — Я (Ящерица) / Под общ. ред. Н. Н. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2012. С. 611–613.

Бахтин 1975 — *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975.

Мелетинский 2005 — Мелетинский Э. М. Герой волшебной сказки. М.; СПб.: Академия исследований культуры: Традиция, 2005.

Милошевич Джорджевич 1988 — Милошевић Ђорђевић Н. Напомене и коментари // Српске народне приповетке из лесковачке области / Приредио Д. М. Ђорђевић. Београд: САНУ, 1988. С. 495–556.

Пропп 1982 — Пропп В. Я. Морфологија бајке. Београд: Просвета, 1982.

Радулович 2008 — Радуловић Н. Поетика апсурда у бајкама // Књижевност и језик. 2008. LV/ 1–2. С. 93–101.

Радулович 2009 — Радуловић Н. Слика света у српким народним бајкама. Београд: ИКУМ, 2009.

Самардџија 1995 — Самарџија С. Народне приповетке у Летопису Матице српске. Нови Сад: Матица српска; Београд: ИКУМ, 1995.

Самардџија 2011 — Самарџија С. Облици усмене прозе. Београд: Службени гласник, 2011.

Hansen, Mallory 1997 — Hansen, L. J., Mallory J. P. Death Beliefs. Encyclopedia of Indo-European Culture / Ed. J. P. Mallory, D. Q. Adams. L.: Fitzroy Dearborn Publishers, 1997. P. 151–153.

Liti 1994 — Liti M. Evropska narodna bajka. Beograd: Orbis, 1994.

Röhrich 1981 — Röhrich L. Dankbarer Toter // Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzälforschung / Ed. K. Ranke, H. Bausinger et al.; Red. L. Baumann et al. Band 3. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 1981. S. 306–322.

Wardle 2006 — Wardle D. Commentary // Cicero on Divination: De Divinatione / Transl. D. Wardle. N. Y.: Oxford University Press, 2006. P. 90–426.

Zipes 2006 — Zipes J. Fairy Tales and the Art of Subversion. N. Y.: Routledge, 2006.

© Д. Попович Николич, 2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Попович Николич Д. <https://orcid.org/0000-0002-0977-7284>

Доктор филологических наук, профессор философского факультета Университета в Нише: Сербия, 18000, г. Ниш, ул. Кирилла и Мефодия, д. 2; тел.: +381 (18) 514-312; e-mail: danijela.popovic.nikolic@filfak.ni.ac.rs

Serbian Oral Tales of the AaTh 505–508 Type

Danijela Popović Nikolić

(University of Nich: 2, Cyril and Methodius str., Nish, 18000, Serbia)

Summary. *The tale of the grateful dead man (AaTh 505–508) is widely known in the folklore of many nations of the world. In it the protagonist buries a dead man who comes alive and turns into the protagonist's ally and companion and who helps the hero marry and acquire wealth. In this article, the author concentrates on the variants of this folktale type in Serbian, examining their theme-motif structure and the essential characteristics of the main protagonists. She also analyzes their literary sources and the interpenetration of oral texts of different genres (fairy tales, legendary stories and legends). Serbian oral stories about the grateful dead have been recorded since the first half of the nineteenth century; there are also accounts from the second half of the twentieth century. These stories, for which their earliest variants are preserved, reveal the existence of particular international types as well as of adaptations to particular locations and traditions.*

Key words: Serbian oral tale, grateful dead, fairy tale, legend, oral tradition.

Received: March 12, 2021.

Date of publication: September 25, 2021.

For citation: Popović Nikolić D. M. Serbian Oral Tales of the AaTh 505–508 Type. *Traditional Culture*. 2021. Vol. 22. No. 3. Pp. 86–93. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.3.007>

References

Agapkina T. A. (2012) Yablonya [Apple Tree]. In: *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskii slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 5. Ed. by N. N. Tolstoj. Moscow:

Mezhdunarodnye otnosheniya. Pp. 611–613. In Russian.

Bakhtin M. M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. In Russian.

Hansen, L. J., Mallory J. P. (1997) Death Beliefs. *Encyclopedia of Indo-European Culture*. Ed. by J. P. Mallory, D. Q. Adams. London: Fitzroy Dearborn Publishers. Pp. 151–153. In English.

Liti M. (1994) *Evropska narodna bajka* [The European Folktale]. Belgrade: Orbis. In Serbian.

Meletinskii E. M. (2005) *Geroi volshebnoi skazki* [The Hero of the Fairy Tale]. Moscow; St. Petersburg: Akademiya issledovanii kul'tury: Traditsiya. In Russian.

Milosevich Dzhordzhevich N. (1988) *Napomene i komentari* [Notes and Comments]. In: *Srpske narodne pripovetke iz leskovacke oblasti* [Serbian Folktales from the Leskovac District]. Ed. by D. M. Dzhordzhevich. Belgrade: SANU. Pp. 495–556. In Serbian.

Prop V. J. (1982) *Morfologiya bajke* [Morphology of the Folktale]. Belgrade: Prosveta. In Serbian.

Radulovic N. (2008) *Poetika apsurdna u bajkama* [The Poetics of the Absurd in Fairy Tales]. In: *Knjizhevnost i jezik* [Literature and Language]. LV/ 1–2. Pp. 93–101. In Serbian.

Radulovic N. (2009) *Slika sveta u srpskim narodnim bajkama* [The Picture of the World in Serbian Folktales]. Belgrade: IKUM. In Serbian.

Rorich L. (1981) *Dankbarer Toter* [The Grateful Dead]. In: *Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung* [Encyclopedia of Fairy Tales: Handbook of Historical and Comparative Archaeology]. Ed. by K. Ranke et al. Vol. 3. Berlin; New York: Walter de Gruyter. Pp. 306–322. In German.

Samardzija S. (1995) *Narodne pripovetke u Letopisu Matitse srpske* [Folk Stories in the Chronicle of Matica Srpska]. Novi Sad: Matitsa srpska; Belgrade: IKUM. In Serbian.

Samardzija S. (2011) *Oblici usmene proze* [Forms of Oral Prose]. Belgrade: Sluzhbeni glasnik. In Serbian.

Wardle D. (2006) *Commentary*. In: *Cicero on Divination: De Divinatione*. Transl. by D. Wardle. New York: Oxford University Press. Pp. 90–426. In English.

Zipes J. (2006) *Fairy Tales and the Art of Subversion*. New York: Routledge. In English.

© D. Popovic Nikolic, 2021

ABOUT THE AUTHOR

Danijela Popovic Nikolic <https://orcid.org/0000-0002-0977-7284>

E-mail: danijela.popovic.nikolic@filfak.ni.ac.rs

Tel.: +381 (18) 514-312

2, Cyril and Methodius str., Nish, 18000, Serbia

PhD in Philology, Professor, Department of Philosophy, University of Nish

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)